

Делимитация значимых единиц русского языка с помощью фонетических средств: новые тенденции

© 2018

Мария Леонидовна Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва,
119019, Российская Федерация; mkalenchuk@yandex.ru

В современном русском языке существует два различных способа делимитации морфем и слов с помощью фонетических средств: маркирующие стыки пограничные сигналы, появление которых обусловлено стремлением к четкому разграничению морфем в пределах фонетического слова, и сигналы отдельнословности, позволяющие подчеркнуть «суверенитет» первых частей композитов, предлогов, приставок, клитик разного типа.

Ключевые слова: делимитация морфем и слов, пограничные сигналы, сигналы отдельнословности

The delimitation of Russian morphemes and words by phonetic means: New trends

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation; mkalenchuk@yandex.ru

In Modern Russian, there are two types of phonetic means to delimit morphemes and words: signals of juncture resulting from the tendency towards a clear isolation of morphemes within phonetic words and signals of separateness that allow to emphasize the “sovereignty” of the first parts of composites, prepositions, prefixes, and clitics of different types.

Keywords: delimitation of morphemes and words, signals of juncture, signals of word separateness

1. Вопрос о наличии в языке фонетических способов разграничения значимых единиц был впервые поставлен Н. С. Трубецким [1960/2000: 285]: «Любой язык, помимо фонологических средств, которые служат для различения значимых единиц (семем), обладает некоторым числом средств, способствующих разграничению этих единиц. Эти две функции звука — смысловоразличительную и делимитативную — необходимо строго различать». Им же введено понятие пограничных сигналов — «средств, которые в определенном пункте непрерывного звукового потока сигнализируют о наличии или отсутствии границ слова или морфемы».

Современной лингвистикой признано, что фонемы во многих случаях могут вести себя по-разному, находясь внутри значимых единиц или на их стыке. «Если закономерности на стыке слов, на стыке морфем и внутри морфем считать одними и теми же, то самих этих закономерностей не окажется. Перед нами предстанет хаос» [Панов 1979: 172]. Чтобы избежать этого, необходимо, во-первых, детально описать все особенности реализации фонем в сандхи, а во-вторых, теоретически интерпретировать полученный материал. Первая из этих задач успешно решается: в русистике накоплен значительный объем фактических данных о поведении фонем в сандхиальных позициях, об иерархии этих позиций и их различительном потенциале. Однако вторую из этих задач нельзя считать окончательно решенной — вопрос о сущности пограничных сигналов, под которыми понимают фонетические

способы обозначения границ между морфемами и словами, причинах их появления или отсутствия, остается спорным.

2. К этой проблеме не раз обращались лингвисты разных стран. Не вдаваясь подробно в историю вопроса, уже описанную ранее [Каленчук 1986], наметим несколько направлений подобных исследований. Признавая наличие особых фонетических явлений в сандхи, лингвисты по-разному объясняют их характер и причины появления или отсутствия.

Некоторые исследователи рассматривают пограничный сигнал в качестве особой морфемы слова (a morpheme of juncture), так как, по их мнению, пограничный сигнал обладает в слове функциональной нагрузкой, сравнимой с функциональной значимостью обычных морфем.

Большинство лингвистов относят пограничные сигналы к фонологическому ярусу языка. Признавая функциональную значимость границы между значимыми элементами в случаях, когда наличие границы противопоставлено ее отсутствию (к *Оле* — *Коле*), или словоформы различаются местом нахождения границы (*a name* — *an aim*), или наличие границы ведет к ее особому фонетическому оформлению (*конт[р]áкт* — *конт[р]#áкт* — *контракт* — *контр-акт*), ряд исследователей соотносят границу между морфемами и словами со смысловоразличением, что, по их мнению, «доказывает правильность понимания ее в качестве фонематической величины» [Матвеева 1966: 49]. При таком подходе пограничный сигнал расценивается как сегментная фонема, равноправная в ряду других сегментных фонем (a phoneme of juncture).

М. В. Пановым была создана оригинальная теория пограничных сигналов. Признавая их функциональную значимость, он вводит в инвентарь фонологических единиц особую единицу — диэрему: «Границу между словами указывает сигнал, состоящий из целой цепи чередований» [Панов 1961: 6]; «Поскольку эта граница обозначается фонетически, можно считать ее особой фонемной единицей — разграничительным сигналом, или диэремой» [Панов 1967: 168]. Панов подчеркивает, что диэрема — суперсегментное фонологическое средство, так как ее выражение рассредоточено на протяжении ряда сегментных фонем и при том выражается теми же звуками, которые представляют сегментные фонемы. Введение понятие диэремы требует принятия некоторых весьма условных решений — например, введения дополнительного понятия антидиэремы, а случаи отсутствия пограничного сигнала объясняются нейтрализацией диэремы и антидиэремы.

3. Представляется, что можно подойти к анализу разграничительных средств языка иначе, чем это делалось ранее.

Принято считать, что «звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и фонетической позиции (в определенном стиле речи)» [Панов 1961: 15]. Следовательно, появление звука строго детерминировано этими двумя факторами. Если известна фонема и произносительные условия, в которых она находится, этого достаточно для того, чтобы определить, каким звуком данная фонема реализуется в речи. Например, если известно, что фонема /б/ находится в положении перед гласным, этой информации достаточно для того, чтобы определить, что данная фонема будет реализована звонким согласным [б] — ду[б]ы. Но так происходит не всегда — в случае ду[п]#огромный фонема /б/ в позиции перед гласным представлена глухим звуком [п].

Остается предположить, что в случаях типа *дубы* и *дуб огромный* в исходе корня перед гласным либо разные согласные фонемы, либо разные фонетические позиции. Поскольку очевидно, что в обоих случаях фонема одна и та же — /б/, остается считать, что здесь разные произносительные условия: в первом примере фонема /б/ находится в позиции середины слова, а во втором случае — в позиции стыка знаменательных слов.

Следовательно, позиция стыка между значимыми единицами языка (морфемами и словами) является особого рода фонетической позицией, которую предлагается называть **делimitативной позицией**.

Принято считать вслед за А. А. Реформатским [1997], что фонемы выполняют в языке две основные функции — перцептивную, т. е. функцию отождествления значимых единиц языка, и сигнификативную, т. е. функцию различения слов и морфем. Помимо этих двух функций фонема может выполнять и делимитативную функцию, обозначая границы между значимыми единицами языка.

Известно, что фонемы не всегда способны в полном объеме выполнить свои функции. Существуют позиции, благоприятные для выполнения фонемой своих функций, — их называют сильными, и слабые позиции, попадая в которые, фонемы не могут выполнить свое предназначение.

Думается, что и делимитативные позиции можно оценивать как сильные и слабые.

Что такое **делимитативно сильная позиция**? Это позиция, находясь в которой, фонема выполняет делимитативную функцию, т. е. позволяет разграничить слова и морфемы. Находясь в делимитативно сильной позиции, фонемы реализуются такими звуками, которые маркируют границы между значимыми единицами языка, говоря иначе, фонемы реализуются не так, как они реализовались бы при тех же условиях произношения не в сандхи, а в середине значимой единицы. Введение понятия делимитативной позиции позволяет по-новому подойти к определению пограничного сигнала. Пограничный сигнал — это результат реализации фонемы в делимитативно сильной позиции. В рассмотренном выше примере ду[п]#огромный позиция стыка между словами является делимитативно сильной, потому что реализация фонемы /б/ в положении перед гласным глухим звуком [п] отличается от того, как та же фонема в той же позиции реализовалась бы не на стыке слов, что позволяет обозначать фонетическими средствами границу между знаменательными словами.

Что такое **делимитативно слабая позиция**? Это позиция стыка между значимыми единицами языка, в которой делимитация не осуществляется, фонемы ведут себя одинаково и внутри значимых единиц, и на их границах, пограничный сигнал не «работает». Самым серьезным возражением против признания существования пограничных сигналов является нерегулярность их появления. Трубецкой [1960/2000: 300] отмечал, что распределение разграничительных средств в конкретном языке выглядит совершенно случайным. Введение понятия делимитативно слабых позиций позволяет, как представляется, интерпретировать случаи фонетической немаркированности границ между значимыми единицами языка в соответствии с традициями Московской фонологической школы. В делимитативно слабых позициях происходит нейтрализация сандхиальных и несандхиальных закономерностей (например, сочетание звуков [тк'] возможно и внутри морфемы ([тк']и), и в сандхи (о[тк']ину́ть), что не дает возможности проявиться пограничному сигналу).

Как соотносится традиционно используемое понятие сандхиальных позиций и предлагаемое понятие делимитативных позиций? Не окажутся ли эти термины синонимами? В традициях Московской фонологической школы со времен Реформатского параллельно существуют два разных подхода к определению качества фонетической позиции. С одной стороны, позиция квалифицируется по чисто локальному признаку — под ударением или без ударения, в начале слова или в конце, после твердого или после мягкого согласного и т. д. В этих случаях только констатируются условия произношения. В рамках такого подхода уместен термин «сандхиальная позиция». Когда мы говорим, что фонема находится в сандхи, мы просто устанавливаем факт ее положения на границе значимых единиц, не давая функциональной оценки этому факту. С другой стороны, квалифицируя позиции как сигнификативно сильные и слабые или перцептивно сильные и слабые, мы оцениваем выполнение или невыполнение фонемой ее функций. В этой логике уместно использование термина «делимитативно сильные и слабые позиции».

4. Трубецким разработана универсальная классификация пограничных сигналов: он разделил все сандхиальные сигналы на 1) фонематические и афонематические; 2) единичные и групповые, 3) положительные и отрицательные. Не все рассмотренные им возможности делимитации реализованы в русском языке. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В русском языке нет фонематических пограничных сигналов, т. е. фонем, употребляющихся только в сандхи. Сигналы границ только афонематические, т. е. существуют звуки, «привязанные» к позиции стыка между словами или морфемами. Таким знаком границы, например, могут быть слоговые сонорные согласные: *смыс*[ɫ], *октяб*[pʲ]ский.

Деление сандхияльных сигналов на единичные или групповые связано с определением того, что именно маркирует стык — один звук или сочетание звуков. Примерами первых могут служить уже упоминавшиеся слоговые сонорные. Но для русского языка самыми частотными пограничными сигналами являются групповые — «особые сочетания <...> единиц, которые встречаются лишь на границах двух слов или морфем» [Трубецкой 1960/2000: 291]. Например, сочетание двух ударных гласных говорит о нахождении между ними межсловной границы.

Другая рубрика классификации — положительные или отрицательные пограничные сигналы. Первые свидетельствуют о наличии стыка, вторые о его отсутствии. В русском языке имеются и те и другие. Соседство двух зубных щелевых согласных, отличающихся твердостью / мягкостью, возможно только на стыке двух знаменательных слов, приставки и корня, а также стыка основ сложного слова (*нѣ*[с#сʲ]едой, *бе*[ссʲ]истемный, *го*[ссʲ]истема) при обязательной мягкости первого согласного в сочетании со следующим мягким в других позициях (*в ка*[сʲсʲ]е), а появление звуков или фонем [кʲ, гʲ, хʲ], /кʲ, гʲ, хʲ/ однозначно показывает, что это не конец слова.

Итак, для современного русского языка на сегментном уровне возможны два разных способа маркирования стыков между значимыми единицами языка:

- 1) **особая реализация фонем на стыках значимых единиц по сравнению с позицией середины морфемы или слова**, например, парная по глухости / звонкости фонема в позиции перед сонорным на конце знаменательного слова перед энклитикой — *стри*[к]#ли он (*стриг* ли он), ср. *стри*[г]ли (*стригли*), где та же фонема /г/ в той же фонетической позиции внутри слова реализуется не в глухом, а в звонком варианте;
- 2) **появление сочетаний звуков, в принципе невозможных внутри морфемы или слова**, например, твердость [н] перед [чʲ] на стыке основ при обязательной мягкости в середине морфемы — *са*[н]часть, но *ко*[нʲ]часть.

Как не раз отмечалось в лингвистической литературе, функционирование пограничных сигналов в русском языке связано с усилением агглютинативности на уровне словообразовательной морфемике. В самом общем виде развитие агглютинации (в противовес фузии) можно охарактеризовать как борьбу фонетики и морфемике, в результате которой, образно говоря, сквозь звуковой покров фонетического слова начинает «просвечивать» его морфемное строение. На фонетическом уровне это ведет к четкому разграничению морфем в слове и в связи с этим к усилению роли пограничных сигналов. Это становится возможным только тогда, когда на границах значимых единиц действуют одни звуковые закономерности, а в середине единицы — другие.

Число и значимость пограничных сигналов в языке — величина непостоянная, которая может использоваться как одна из типологических характеристик фонетической ситуации в том или ином синхронном срезе. Анализ конкретных произносительных фактов за последние 100 лет позволяет говорить о волнообразном характере реализаций сандхияльных явлений. Проиллюстрируем это на материале позиционной мягкости согласных перед следующим мягким. В начале XX в. согласный в позиции перед мягким произносился мягко и внутри значимых единиц, и на их стыке — контраста не было, пограничный сигнал не проявлялся: [зʲ]мѣя и *ра*[зʲ]мѣнять, [зʲ]дѣсь и *ра*[зʲ]дѣлать. В орфоэпической системе середины XX в. во многих случаях фонемы в сандхи и в позиции середины морфемы вели себя по-разному, что позволяло противопоставить эти позиции и обозначить границу между морфемами: [зʲ]мѣя, но *ра*[з]мѣнять, [зʲ]дѣсь, но *ра*[з]дѣлать. В современной же младшей норме контраст между поведением фонем внутри морфем и на их границах стирается, делимитации морфем фонетическими средствами вновь не происходит, пограничный сигнал

не проявляется, нейтрализуются сандхиальные и несандхиальные закономерности: [з] *меня* и *ра[з]мѣнять*, [з] *дѣсь* и *ра[з]дѣлать*.

По отношению к речи середины XX в. можно было говорить о том, что «в нашу эпоху усиливается действие разграничительных сигналов» [Фонетика 1968: 61], что «роль дизеремы, морфемного шва возрастает» [Гловинская и др. 1971: 22]. Приведенные выше факты, казалось бы, говорят о том, что по отношению к орфоэпической ситуации первой трети XXI в. приходится говорить о тенденции к уменьшению количества сигналов границ и их значимости.

5. Но как это ни удивительно, происходящие у нас на глазах изменения в реализации фонетических закономерностей определили **появление новых пограничных сигналов**. Исчерпав одни возможные маркирования границ, язык создал предпосылки для развития новых способов делимитации.

Принято считать, что закономерности, регулирующие поведение согласных в современном русском литературном языке, в большинстве случаев формулируются в терминах позиционных чередований звуков: например, перед переднеязычным шумный зубной заменяется переднеязычным (*бе[з]облачный* — *бе[ж]жалостный*), перед глухим шумный звонкий заменяется глухим (*ска[з]ать* — *ска[с]ка*) и т. д. Наблюдения над окружающей нас живой речью носителей русского литературного языка позволяют заключить, что в некоторых позициях стали возможны, хотя и нерегулярно, сочетания согласных, не подвергшихся чередованию, запрещенные в пределах одной синтагмы на предыдущих этапах развития языка, например, *ра[зж]евать*, *бе[сч']исленный*, *го[сд]ума* и т. д. Подобные факты, фиксируемые и ранее, обычно расценивались как отступление от литературного произношения под влиянием письма. Но их частотность в речи современного молодого поколения, причем и в речи тех носителей языка, чья орфоэпическая компетенция можно доверять, заставляет по-иному взглянуть на эти произносительные явления [Каленчук, Касаткина 2007].

Можно предположить, что в русском языке начался системный процесс разрушения позиционных чередований согласных не только по твердости / мягкости, но и по месту образования и глухости / звонкости. По аналогии с процессом изживания мягкости согласных перед следующими мягкими разрушение и этих позиционных чередований, скорее всего, будет происходить неравномерно в разных морфологических позициях и в разных группах слов. Можно предполагать, что новая закономерность должна установиться сначала на агглютинативных морфемных стыках, затем она захватит и фуззионные морфемные швы и только после этого проникнет в позицию середины морфемы. В настоящий момент новые сочетания звуков возможны только на явно заметных для говорящих границах, причем частотность проявлений новой закономерности зависит от степени очевидности для носителя языка морфемного шва: прежде всего позиционное чередование перестает действовать на стыке знаменательных слов, затем на границе основ сложного слова, далее — на стыке предлога и знаменательного слова и на стыке приставки и корня [Скачедубова 2008; Тимофеев 2016]. Вот некоторые из примеров произнесения согласных, не подвергшихся позиционному чередованию, зафиксированные в теле- и радиоречи, спонтанной речи и при чтении информантами специально составленных текстов: «**зубной + передненёбный**» (*ле[с#ш]умит*, *мо[зж]илконтёра* и *мо[сж]илконтёра*, *и[з-ж]ёсти*, *бе[зж]алостный*); «**зубной щелевой + /ч/**» (*голо[с#ч']асового*, *го[сч']иновник*, *бе[с-ч']асов*, *ра[сч']есать*); «**глухой + звонкий**» (*нѣ[с#б]ежит*, *го[сд]ума*). Как было показано Р. Ф. Касаткиной [2000], на начальном этапе произношение согласного, не подвергшегося позиционному чередованию, было возможно на конце слова или первой части композита, предлога или приставки в том случае, если этот компонент был просодически выделен сильнее, чем следующий за ним. Например, в сочетании слов *ваши брат* произношение *ва[ш#б]рат* вместо обычного *ва[ж#б]рат* реализуется тогда, когда просодический акцент падает на *ваши* (*Так это оказывается **ваши** брат, а не его!*). Но постепенно новые пограничные сигналы стали возможны даже после устранения первоначального условия их возникновения — акцентного выделения. В живой речи фиксируются варианты произношения типа *ва[ш#б]рат* при отсутствии акцентного

выделения первого слова, например в контекстах *Так это не просто сосед, это ваш брат?* (акцент падает на слово *брат*) или *Ваш брат приехал еще вчера* (оба слова произносятся нейтрально, без просодического выделения).

Е. С. Скачедубова [2008] показала, что отдельность первой основы сложных и сложносокращенных слов на звуковом уровне может проявляться различно: либо только просодически с помощью акцентного выделения, либо сочетанием просодической выделенности и сегментных изменений, либо только сегментно. Например, слово *госбанк* может быть произнесено следующими способами: *го[з]ба́нк* (делимитация не осуществляется, звуковое оформление не демонстрирует стремление первой основы к отдельности; *го́[з]ба́нк* и *го́[с]ба́нк* (самостоятельность первой основы проявляется и в наличии просодического сильного выделения и в произнесении глухого звука перед звонким); *го[с]ба́нк* (стремление первой основы композита к самостоятельности проявляется только в сегментном пограничном сигнале).

Системный, а не случайный характер подобных произнесений доказывает тот факт, что согласный, не подвергшийся позиционному чередованию, появляется только в определенных условиях, а именно на морфемных стыках агглютинирующего характера, и не появляется в других позициях (при наличии произносительных вариантов типа *бе[с]чи́сленный* или *ра[с]ша́ркиваться* не отмечено произнесений типа *во[с]чик* или *вы[с]ший*, в которых согласные находятся на малозаметном фузионном стыке морфем).

6. Но делимитация значимых единиц фонетическими средствами может осуществляться не только благодаря наличию пограничных сигналов. Существует и другое проявление этого явления — **звуковые сигналы отдельности морфем и слов**, когда особое фонетическое оформление языковой единицы сигнализирует о ее суверенности, отдельности, самостоятельности, а не о месте границы между значимыми единицами.

Таковыми звуковыми сигналами отдельности морфем в слове могут быть следующие.

6.1. Реализация конечных фонем морфем по законам конца фонетического слова перед паузой.

Известно, что для парных по глухости / звонкости фонем позиция перед гласными, сонорными и [в], [в'] + гласный или сонорный является сильной (различаются [к]о́ра и [г]о́ра, [с]ло́й и [з]ло́й, [т]ве́рь и [д]ве́рь). Но в узуальном употреблении стали широко распространены варианты произношения, в которых звонкие шумные фонемы в указанных позициях реализуются глухими звуками на конце предлогов и приставок [Касаткина 2000]: *че́т-ве́рка* и[с] *Ли́верпу́ля, ве́рну́ться* и[с] *о́тпу́ска, по́звони́ли* и[с] *а́рхива, и[с] на́шего го́рода, не обо́йти́сь* бе[с] *Ро́ссии, исхо́дя* и[с] *э́того, по[т] Ива́ново, одно и[с] выра́жений, пе́редача* о[п] *и́ску́стве, и[с] Мо́лда́вии, гандобо́листы* и[с] *И́ндии, и[с] авторите́тных исто́чников, оди́н и[с] ва́жнейших фа́кторов, э́то гово́рит* о[п] *о́граниченности возмо́жностей, о[п] а́дресной помо́щи, ре́шение* о[п] *устрани́нии недо́статков; о[п] отмы́вании де́нег, о[п] э́том моме́нте, на[т] ве́роятным ре́шением; пре[т]вы́борный, пре[т]нового́дный, По[т]мо́скве, бе[с]а́дресный, бе[с]о́блачный, о[п]ве́тренный* (все приведенные примеры записаны из информационных теле- и радиопередач).

Указанная возможность реализации звонких фонем перед гласными, сонорными и [в], [в'] + гласный или сонорный является новым и очень ярким показателем отдельности морфемы, особым средством делимитации, нарушающим привычный порядок вещей. При этом на конце предлогов подобные произношения встречаются намного чаще, чем на конце приставок. Хотя в рассмотренных примерах и предлоги, и приставки фонетически несамостоятельны, являются частью единого фонетического слова, но все же у предлогов намного больше лексических, грамматических и графических прав претендовать на отдельность, что и проявляется на звуковом уровне.

6.2. Произношение в безударных позициях гласных полного образования, не подвергнувшихся качественной редукции.

В первых основах сложных и сложносокращенных слов, приставках, а также в отдельных клитиках (предлогах, местоимениях, союзах, частицах) возможно на сегментном уровне

произнесение безударных гласных полного образования, произносимых без качественной редукции: с[о]сба́нк, м[а]лосо́лёный, тр[’о]хра́зовый, т[’э]хре́д; д[о]обе́денный, с[о]а́втор, д[о]вы́боры, вн[е]земно́е, н[е]аде́кватно; вн[’э] игры́, б[э]з за́втрака, м[’э]ж те́м, д[о]перерыва́; м[о]й дру́г, т[’э] доро́ги; мороз, н[о] со́лнце, до́ма в[’э]дь лу́чше, в[о]т ты́ и сде́лай [Каленчук 1993; Каленчук, Касаткина 1993].

При этом относительные клитики — предлоги, союзы, местоимения, частицы, — будучи частью акцентного слова, напоминают своим звуковым поведением, что лексически и морфологически они все же отдельные слова. А части морфологически единого слова — первые компоненты сложных и сложносокращенных слов и приставки, — стремятся превратиться из морфем в составные части аналитической конструкции, проявляя это стремление к «суверенитету» особым звуковым поведением.

7. Суммируя сказанное выше, можно заключить, что делимитация значимых единиц русского языка с помощью фонетических средств — реальность современного состояния языковой системы. При этом, как было показано в статье, нельзя сводить проявление делимитации только к наличию фонетически маркированных границ между морфемами и словами. Делимитация значимых единиц в русском языке с помощью звуковых маркеров может осуществляться не только благодаря пограничным сигналам, но и с помощью сигналов отдельности морфем и клитик разного типа в составе фонетического слова. Звуковые пограничные сигналы связаны со стремлением к агглютинативности: чтобы морфемы легко «отслаивались» друг от друга, нужны четко обозначенные границы, заметные носителю языка. Фонетические сигналы отдельности связаны со стремлением к аналитизму. В настоящее время многие из старых пограничных сигналов перестали «работать», на смену им пришли новые способы маркирования границ между значимыми единицами языка. А значимость и число сигналов отдельности в последние десятилетия явно продолжает нарастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гловинская и др. 1971 — Гловинская М. Я., Ильина Н. Е., Кузьмина С. М., Панов М. В. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. С. 20–33. [Glovinskaya M. Ya., Il’ina N. E., Kuz’mina S. M., Panov M. V. On grammatical factors of phonetic system evolution in Modern Russian. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow: Nauka, 1971. Pp. 20–33.]
- Каленчук 1986 — Каленчук М. Л. Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1986. [Kalenchuk M. L. *Osobennosti realizatsii soglasnykh fonem na stykakh morfem v sovremennom russkom literaturnom yazyke. Avtoref. kand. diss.* [Special aspects of consonant phonemes realization at the morpheme junctures in Modern Standard Russian. Author’s abstract of the cand. diss.]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute, 1986.]
- Каленчук 1993 — Каленчук М. Л. Орфоэпическая система русского литературного языка. Дис. ... докт. филол. наук. М.: МПГУ, 1993. [Kalenchuk M. L. *Orfoepicheskaya sistema russkogo literaturnogo yazyka. Dokt. diss.* [Orthoepic system of Standard Russian. Doct. diss.]. Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 1993.]
- Каленчук, Касаткина 1993 — Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 99–106. [Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. Collateral accent and rhythmic structure of the Russian word on verbal and phrasal levels. *Voprosy jazykoznanija*. 1993. No. 4. Pp. 99–106.]
- Каленчук, Касаткина 2007 — Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. О процессе разрушения позиционных чередований согласных в русском языке // Касаткина Р. Ф. (отв. ред.). Проблемы фонетики V. М.: Наука, 2007. С. 172–180. [Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. On the process of destruction of positional alternation of consonants in Russian. *Problemy fonetiki V*. Kasatkina R. F. (ed.). Moscow: Nauka, 2007. Pp. 172–180.]

- Касаткина 2000 — Касаткина Р. Ф. Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последние десятилетия // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (отв. ред.). Слово в тексте и в словаре: к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2000. С. 157–165. [Kasatkina R. F. On changes in the prosodic system of Standard Russian in recent decades. *Slovo v tekste i v slovare: k semidesyatiletiyu akademika Yu. D. Apresiana*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2000. Pp. 157–165.]
- Матвеева 1966 — Матвеева Н. А. Несколько замечаний о пограничных сигналах // Проблемы лингвистического анализа. М.: Наука, 1966. С. 47–55. [Matveeva N. A. Some notes on boundary signals. *Problemy lingvisticheskogo analiza*. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 47–55.]
- Панов 1961 — Панов М. В. О разграничительных сигналах в языке // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 3–19. [Panov M. V. On the delimitative signals in language. *Voprosy yazykoznanija*. 1961. No. 1. Pp. 3–19.]
- Панов 1967 — Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. [Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow: Prosveshchenie, 1967.]
- Панов 1979 — Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. [Panov M. V. *Sovremennyy russkii yazyk*. Fonetika [Modern Russian. Phonetics]. Moscow: Vysshaya shkola, 1979.]
- Реформатский 1997 — Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1997. [Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Aspekt Press, 1997.]
- Скачедубова 2008 — Скачедубова Е. С. Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2008. [Skachedubova E. S. *Osobennosti proiznosheniya slozhnykh i slozhnosokrashchennykh slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke*. Avtoref. kand. diss. [Special aspects of pronunciation of compound words and abridgements in Modern Standard Russian. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2008.]
- Тимофеев 2016 — Тимофеев В. В. Особенности произношения приставок в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2016. [Timofeev V. V. *Osobennosti proiznosheniya pristavok v sovremennom russkom literaturnom yazyke*. Avtoref. kand. diss. [Special aspects of pronunciation of prefixes in Modern Standard Russian. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2016.]
- Трубецкой 1960/2000 — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960; М.: Аспект Пресс, 2000. [Trubetzkoy N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1960; Moscow: Aspekt Press, 2000.]
- Фонетика 1968 — Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. Социолого-лингвистическое исследование / отв. ред. Панов М. В. М.: Наука, 1968. [Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie [Phonetics of Modern Standard Russian. Folk dialects. A sociolinguistic study]. Panov M. V. (ed.). Moscow: Nauka, 1968.]